Анна Валевская

Шёпот ведьмы

18+

Анна Валевская

Шёпот ведьмы

«Автор»
2026

Валевская А.

Шёпот ведьмы / А. Валевская — «Автор», 2026

Триста лет назад в глухом русском посёлке заживо сожгли женщину, которую называли ведьмой. Умирая, она прокляла своих убийц и поклялась вернуться.Алиса, начинающий блогер, приезжает сюда вместе с сестрой-историком Мией, чтобы снять историю, которая принесёт ей тысячи просмотров.Но камеры начинают записывать то, чего сёстры не видят. Ночью в доме слышатся чужие шаги. Старинная усадьба исчезает без следа. А вскоре в посёлке находят первого убитого.Каждое утро Алиса просыпается с грязью под ногтями и ничего не помнит.Мия пытается раскрыть тайну трёхсотлетнего проклятия. Но чем ближе разгадка, тем страшнее вопрос: кого она впускает в дом, когда открывает дверь собственной сестре?Некоторые тайны лучше не снимать на камеру. Потому что однажды кто-то может посмотреть в неё с другой стороны.

© Валевская А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Хорошая история 5
Глава 2. Верещино 9
Глава 3. Кто-то наверху 13
Глава 4. Нина Аркадьевна 16
Глава 5. Дом, которого не должно быть 19
Глава 6. Ночная прогулка 25
Глава 7. Не выкладывай это 30
Глава 8. Женская линия 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Анна Валевская
Шёпот ведьмы

Глава 1. Хорошая история

Алиса считала, что почти любую человеческую трагедию можно превратить в хороший сюжет, если правильно выбрать первые три секунды видео.

— Нет, ты просто послушай, — сказала она, усевшись на столешницу рядом с моей раковиной. — Чёрный экран. Треск огня. Потом твоё лицо и фраза: «Триста лет назад здесь сожгли женщину. Теперь я знаю, почему никто не хочет говорить о ней вслух».

— Я не знаю, почему никто не хочет о ней говорить.

— Вот именно. Поедем и узнаем.

— Алиса, я только вчера вернулась из экспедиции.

— И уже соскучилась по ней. Я вижу.

Она обвела взглядом мою квартиру: раскрытый чемодан, стопка книг на полу, две грязные чашки возле ноутбука. На экране всё ещё висела фотография пожелтевшей страницы, которую мне удалось снять в областном архиве.

Я сняла очки и потёрла переносицу.

— Нам дали доступ к коллекции всего на четыре дня. Мы работали с девяти утра до закрытия. Я спала по пять часов.

— И нашла ведьму.

— Нашла упоминание о женщине, обвинённой в колдовстве. Это разные вещи.

— Ладно. Нашла женщину, обвинённую в колдовстве, которую сожгли заживо. Совершенно неинтересно. Давай лучше снимем, как я выбираю шампунь.

Алиса была на три года младше меня и с детства обладала талантом превращать любой спор в спектакль, где она одновременно играла главную роль и продавала билеты. В двадцать три у неё было восемнадцать тысяч подписчиков, кольцевая лампа стоимостью в половину моего месячного оклада и уверенность в том, что большая аудитория — вопрос времени. Она снимала обзоры, короткие поездки, реакции на странные городские места и всё, что считала достаточно живым, чтобы люди досмотрели до конца.

Я иногда появлялась в её видео в качестве скучной старшей сестры, которая портит интересные легенды датировками и ссылками на источники. Алиса нарочно оставляла в роликах мои поправки, особенно когда они разрушали эффектную версию красивого мифа.

— Покажи ещё раз, — попросила она уже тише.

Я повернула к ней ноутбук.

На фотографии был лист из плохо сохранившегося дела. Бумага потемнела по краям; внизу, где когда-то располагалась печать, осталось неровное коричневое пятно. Почерк пришлось разбирать по буквам. В записи упоминалась Марфа, «девка знающая», жившая возле поместных земель Ратниковых. Люди обращались к ней за травами, принимали от неё помощь при родах, а после смерти хозяйского ребёнка обвинили в том, что она «наслала порчу».

— Какого ребёнка? — спросила Алиса.

— Вот это как раз непонятно. В других бумагах говорится, что жена помещика детей не имела. Возможно, запись перепутали при переписывании. Возможно, речь о ребёнке из дворни.

— А помещик?

— Павел Матвеевич Ратников. Судя по переписке, часто бывал в отъезде. Есть косвенные указания, что у него с Марфой были отношения.

— Любовница барина. Ведьма. Ревнивая жена. Костёр. Мий, это целый сериал.

— Не было никакого официального суда с доказанной казнью. Есть свидетельство, составленное много позже, и пара упоминаний в хозяйственной переписке. Мне пока даже не ясно, умерла ли эта женщина от огня или её смерть так описали уже после.

— Поэтому мы и едем, — спокойно сказала сестра.

Я открыла рот, чтобы ответить, и закрыла. С ней было бесполезно спорить на поле, которое она уже считала своим.

За окном шёл дождь. Конец октября выдался серым и холодным, город за стеклом казался выцветшим. Я включила настольную лампу. Свет лёг на снимок древней страницы, и слова стали похожи на узкие ряды чёрных насекомых.

— Что это? — Алиса ткнула пальцем в нижнюю строчку.

— Где?

— Здесь. «Скажи им…» Что дальше?

Я увеличила изображение.

Там действительно оставалась цитата — её записал человек, утверждавший, что слышал последние слова Марфы. Часть букв расплылась от воды. Я попыталась прочесть вслух:

— «…помогала вам, а вы не помогли мне». Дальше неразборчиво. «…возвращусь…». И, кажется, «каждому».

— Вот! — Алиса хлопнула ладонью по столу. — Вот же готовый финал тизера. «Я вернусь за каждым».

— Не приписывай историческому документу того, чего в нём нет.

— Да я не предлагаю подделывать документ. Я предлагаю проверить легенду. И снять, как мы это делаем. По-настоящему.

Она спрыгнула со столешницы, подошла ко мне и обняла сзади за плечи.

— Мий. Ты же хочешь туда поехать.

Конечно, хотела.

В фондах маленьких местных музеев иногда находились вещи, которых не было в областных каталогах: копии писем, семейные записи, тетради бывших учителей, случайно сохранённые фотографии. Для историка такая находка значила больше, чем любая мистическая легенда. А у дела Марфы была странность, которую я пока никому не объясняла: в разных документах менялось не только описание её смерти, но и имя. В одном она значилась Марфой Субботиной, в другом — Марфой без фамилии, в третьем имя было старательно затёрто.

Слишком тщательно для обыкновенной крестьянки.

— У меня нет гранта на вторую поездку, — сказала я.

— А у меня есть накопления. И машина. И две камеры. И возможность оформить всё как командировку для блога.

— Ты сейчас серьёзно предлагаешь потратить свои деньги на четыре дня в глуши?

— Пять. Я уже нашла дом.

Я повернулась к ней.

— Когда ты успела?

Алиса виновато улыбнулась — той самой улыбкой, которой в детстве встречала маму возле разбитой сахарницы.

— Пока ты объясняла, что нашла не ведьму.

Она протянула телефон. На экране был старый дом с голубыми наличниками, низким крыльцом и тёмными елями за забором. Объявление обещало печь, горячую воду, хорошую связь и «полную тишину для городских гостей». Внизу значилось: посёлок Верещино, Костромская область.

— Полная тишина, — прочитала я. — Какой кошмар. Ты не выдержишь двух часов.

— Не бойся. Буду говорить за двоих.

Именно так всё и началось: с дождя, дешёвого объявления и моей неспособности сказать сестре «нет».

* * *

Через три дня мы выехали затемно.

Алиса тащила в машину чемодан с техникой с такой бережностью, словно внутри лежало чужое сердце. Мой багаж состоял из рюкзака, одежды, ноутбука и тонкой папки с выписками. На переднем сиденье уже стояли два бумажных стакана кофе.

— Я тебе без сахара, — сказала она. — И не спрашивай, сколько я за него отдала.

— Сколько ты за него отдала?

— Я же попросила.

Выезжая из города, она включила камеру на креплении у лобового стекла.

— Всем привет. Это не совсем обычный выпуск. Мы с сестрой едем в место, где триста лет назад произошло кое-что очень неприятное. Подробности расскажет наш штатный профессор мрачных наук.

— Аспирантка, — поправила я.

— Будущий кандидат наук. Мия, сделай загадочное лицо.

— Я пытаюсь понять, зачем ты сняла номер машины вместе с нашим адресом.

Алиса мгновенно выключила запись.

— Вот за это тебя и люблю. Вечно спасаешь меня от меня самой.

Я тоже её любила. Даже когда хотелось выбросить кольцевую лампу в окно.

За городом дороги стали уже. Сначала исчезли рекламные щиты, потом заправки и круглосуточные кафе. Мы ехали мимо деревень с заколоченными окнами, полей, на которых темнели островки прошлогодней травы, и лесов, по-настоящему чёрных в пасмурном свете.

На одном из поворотов навигатор предложил свернуть на грунтовку.

— Только не говори, что ещё сорок километров вот так, — сказала Алиса.

— Двенадцать.

— Прекрасно. Если нас здесь убьют, хотя бы не придётся платить за шиномонтаж.

— Не шути так.

— Ты сама рассказываешь про ведьм, которые проклинают деревни.

— Я рассказываю про людей, которые боялись того, чего не понимали.

— Звучит как описание моей аудитории, когда я сказала, что не люблю матчу.

Она рассмеялась и прибавила музыку. Я смотрела на мокрые берёзы вдоль дороги и думала о женщине, умершей здесь задолго до появления асфальта, электричества и телефонов. У неё были руки, которые пахли травами; кто-то приходил к ней ночью, когда заболевал ребёнок; кто-то, возможно, благодарил её хлебом или молоком. А потом те же люди позволили убить её.

Мне хотелось узнать, почему.

Примерно за семь километров до Верещина сеть исчезла. Навигатор продолжал вести по загруженной карте. В какой-то момент он сообщил, что до места остаётся две минуты, хотя впереди тянулся только лес.

— Смотри, — сказала Алиса. — Мы уже приехали в никуда.

На экране мелькнула точка с названием «Ратниково».

— Постой. Что это было?

Она затормозила у обочины.

— Где?

Я взяла телефон. Точка исчезла. Теперь на карте была просто серая полоса леса между двумя дорогами.

— Наверное, старый географический объект, — сказала я.

— Ага. Или приложение тоже знает про твоего барина.

Алиса попыталась вернуть карту на прежний масштаб, но ничего не нашла. Потом махнула рукой и поехала дальше.

Я не стала говорить, что «Ратниково» в бумагах называлось не только поместье. Так когда-то обозначали всю землю вокруг господского дома.

В конце дороги появился указатель: ВЕРЕЩИНО — 2 КМ. Под ним кто-то прибил к столбу узкую деревянную доску. Буквы были выжжены вручную: «ОБРАТНО ДО СУМЕРЕК».

— Рекламный слоган века, — сказала Алиса и потянулась за камерой.

Я отвернулась к окну.

За деревьями, там, где лес был гуще, на секунду показалось что-то светлое и высокое. Будто между стволами стояла женщина в длинной рубахе.

Я моргнула.

Там осталась только белая берёза.

— Мий, ты чего?

— Ничего. Езжай.

Алиса посмотрела на меня, но вопросов не задала.

Позже я много раз возвращалась мыслями к этой дороге. К указателю, к исчезнувшей точке на карте, к белому пятну между деревьями. Человек всегда ищет момент, когда ещё мог повернуть обратно. Он выбирает его задним числом, зная всё, что случилось потом.

В тот день я просто хотела добраться до дома, выпить горячего чая и выспаться.

Глава 2. Верещино

Посёлок оказался больше, чем я ожидала: несколько улиц, низкие пятиэтажки возле бывшей фабрики, школа с выцветшим футбольным полем, двухэтажное здание администрации и ряд деревянных домов, уходивших к лесу. Над деревьями поднималась ржавая водонапорная башня. У магазина с вывеской «Продукты» стояли три человека и курили под козырьком.

Алиса остановилась напротив магазина.

— Нам нужен хлеб, вода и кто-нибудь, кто подтвердит, что мы не приехали на съёмки собственного некролога.

— Начни с хлеба.

Внутри пахло выпечкой, мокрыми куртками и дешёвым стиральным порошком. За прилавком сидела женщина лет пятидесяти и листала новости в телефоне. Когда мы вошли, она подняла голову и несколько секунд рассматривала нас с удивлением человека, который не ждал покупателей до обеда.

— Здравствуйте, — сказала я. — Подскажите, улица Заречная далеко?

— На развилке направо. После колодца ещё два дома.

Алиса достала телефон.

— А можно у вас кое-что спросить? Мы снимаем материал об истории посёлка. Здесь ведь раньше была усадьба Ратниковых?

Продавщица потянулась за пакетом, хотя мы ещё ничего не выбрали.

— Была.

— А как к ней пройти?

Женщина опустила глаза к кассе.

— Через лес дорога. Там нечего смотреть.

— Правда? А нам говорили, сохранились постройки.

— Мало ли что говорят.

— Может, вы слышали историю про Марфу? — осторожно спросила я.

Кассирша положила пакет на стойку. Пластик хрустнул неожиданно громко.

— Девушки, у меня магазин. Историю в музее спросите.

— Мы и спросим, — легко ответила Алиса. — Спасибо.

— И не снимайте здесь, — добавила женщина.

Алиса посмотрела на экран: камера была выключена.

— Я не снимаю.

— Вот и не надо.

Мы отошли к холодильнику. Сестра придвинулась ко мне.

— Мий, она ведёт себя так, будто мы спросили, где тут закопать труп.

— Она не хочет попадать в интернет. Это нормально.

— Я даже не включала камеру.

— А телефон держала как журналист с микрофоном.

— У вас просто плохой подход, — раздался позади мужской голос. — Здесь на слово «съёмки» реагируют хуже, чем на слово «проверка».

Рядом стоял высокий парень в тёмно-зелёной куртке. Короткие русые волосы, усталые глаза, щетина, которую он, кажется, собирался сбрить уже несколько дней. В одной руке держал пакет молока, в другой — коробку таблеток.

— А вы консультант по местным обычаям? — спросила Алиса.

— По необходимости. Вы дорогу к усадьбе ищете?

— Ищем. А вы знаете?

— Знаю. Я здесь вырос.

Он перевёл взгляд на меня, задержался на папке, торчавшей из рюкзака.

— Только там не экскурсионный объект. Местность неровная, колодцы без крышек попадаются. Если пойдёте, обувь нормальную наденьте.

— То есть вы не верите в ведьму, которая убивает туристов? — не удержалась Алиса.

— Я больше верю в переломы лодыжек. Они в нашей области встречаются чаще.

Алиса прыснула. Я тоже улыбнулась.

— Меня зовут Мия. Это Алиса, моя сестра.

— Никита. Савельев.

Он протянул руку сначала мне, затем Алисе. Рукопожатие было тёплым, крепким, без попытки впечатлить.

— Вы туристы? — спросил он.

— Мия — историк, — сказала Алиса, прежде чем я успела ответить. — Исследует очень мрачную женщину. Я снимаю её научные подвиги.

— А вы? — спросила я.

— Геодезист. Работаю в Москве. Сейчас вот временно вернулся к бабушке.

— В отпуск?

Он посмотрел на коробку таблеток в руке.

— Не совсем. Ей после инсульта одной тяжело. Я удалённо работаю, насколько получается.

— Простите, — сказала я.

— Да ничего. Она у меня упрямая. С врачами ругается лучше, чем до болезни.

Его голос потеплел, когда он заговорил о бабушке. Это почему-то сразу расположило меня к нему.

Мы рассчитались за продукты, Никита пропустил нас к выходу и вышел следом. Дождь почти перестал, но на асфальте блестели лужи.

— В музее сегодня до пяти, — сказал он. — Нина Аркадьевна там одна на всё хозяйство. Вы лучше с утра заходите, если документы нужны. А к усадьбе дорога начинается за старой школой, через липовую аллею.

— Там сторож есть? — спросила Алиса.

Никита чуть нахмурился.

— На территории? Не знаю. Там давно ничего действующего нет. Если кто и следит за землёй, я с ним не сталкивался.

— А вы сможете нас туда проводить? — спросила я.

— Сейчас не могу. Бабушке лекарства отвезти надо. Но могу скинуть точку на карте.

Алиса уже достала телефон.

— Это почти судьба, Никита. У нас с утра навигатор видит то, чего нет.

— Он у всех здесь видит то, чего нет. Старые карты подмешиваются.

Он продиктовал номер, отправил геометку и показал, где поворачивать на Заречную. Я заметила, что он несколько раз бросил взгляд на наш автомобиль с московскими номерами, но ничего не спросил.

— И совет, — сказал он напоследок. — По лесу после заката не гуляйте. Никакой мистики. Там дорогу без фонаря легко потерять.

— Мистика отменяется, — объявила Алиса. — Как жаль. До свидания, Никита, вы разрушили мой контент.

— Рад помочь.

Мы пошли к машине. Когда я обернулась, он ещё стоял у магазина и смотрел нам вслед.

— Ну что? — тут же спросила Алиса.

— Что?

— Тебе понравился?

— Мы поговорили четыре минуты.

— Пять с половиной. И ты за эти пять минут дважды поправила волосы.

— Я поправляла воротник.

— Воротник находится на голове?

Я толкнула её плечом. Алиса засмеялась, обняла меня одной рукой, и мы почти поскользнулись у бордюра.

Так мы и вошли в Верещино: с пакетом хлеба, чужим номером в телефоне и совершенно идиотской уверенностью, что самое сложное в нашей поездке — разобраться в трёхсотлетнем почерке.

* * *

Дом на Заречной стоял немного в стороне от остальных. За соседними огородами начиналась полоса елей, настолько густая, что даже днём под ними царил сумрак. Забор провисал, калитка не закрывалась до конца. На крыльце лежала связка сухих берёзовых веток.

— Милота, — сказала Алиса. — Надо снять до того, как мы занесём туда наш бардак.

Хозяйка оставила ключи в кодовом ящичке. В сообщении она предупреждала, что сама живёт в городе и приедет только при необходимости. Дом сдавался редко, в основном рыбакам и родственникам местных жителей.

Внутри пахло деревом и едва уловимым дымом, давно выветрившимся из печи. Маленькая кухня, гостиная с диваном, две спальни, лестница к запертому чердаку. На стенах висели современные пейзажи в дешёвых рамках. Единственной старой вещью казался буфет с резными стеклянными дверцами.

Алиса прошла по комнатам с камерой.

— Итак, база экспедиции. У нас есть кровати, электричество, санузел, который не выглядит как портал в ад, и вид на лес, откуда, по всей видимости, придёт наш демон.

— У нас пока нет демона.

— Не разрушай концепцию.

Я проверила горячую воду, окна и замок. Всё работало. Связь была слабой, но у кухни ловил интернет. Когда Алиса подключила камеру к ноутбуку, оказалось, что для передачи файлов его достаточно.

Мы выбрали комнаты. Алиса заняла ту, что побольше, с широким зеркалом над комодом. Я устроилась в соседней, окнами к огороду.

К вечеру мы разобрали вещи, сварили макароны и составили план на следующий день. Музей, сверка архивных дат, разговор с Ниной Аркадьевной. Поместье решили оставить на потом, если успеем.

Алиса включила лампу и записала первый короткий монолог. Я сидела на диване с ноутбуком, разыскивая опубликованные сведения о Ратниковых.

— Сегодня мы добрались до Верещина, — говорила сестра в камеру. — Здесь потрясающе тихо. Слишком тихо. А ещё у нас есть одна местная легенда, которую я пока не буду пересказывать. Скажу только, что в ней есть запретная любовь, ревность и женщина, которую никто не захотел спасти.

На последних словах из коридора донёсся глухой удар.

Алиса замолчала.

— Мий, это ты?

— Я на диване.

Мы прислушались. Где-то наверху, за потолком, коротко проскрежетало дерево.

— Чердак, — сказала я. — Дом старый, всё остывает.

— Там вроде никто не живёт?

— Надеюсь.

Алиса повернула камеру на открытую дверь коридора.

— Мы уже начали, — шепнула она с восторгом. — Первый паранормальный момент.

— Первый момент, когда доска скрипнула.

Но в тот же миг сверху раздались три медленных шага.

Не скрип. Не щелчок. Именно шаги: тяжёлые, неторопливые, с отчётливой паузой между каждым.

Мы посмотрели друг на друга.

— Мыши? — спросила Алиса.

— Сапоги сорок пятого размера, — ответила я и тут же пожалела о шутке.

В доме стало тихо.

Мы поднялись к чердачной лестнице. Дверца наверху была заперта на металлический крючок с нашей стороны. Я дотронулась до него. Холодный. Никаких следов, что его недавно двигали.

— Может, ветка по крыше бьёт, — сказала я.

— Ветка прошла три шага, подумала и ушла спать?

— Ты сама выбираешь между веткой и сапожными мышами.

Алиса снова засмеялась — немного громче, чем обычно. Я услышала, что ей не по себе.

Ночью она предложила спать при открытых дверях.

— Не потому что боюсь, — уточнила она. — Просто если будет что-нибудь интересное, мы быстрее друг друга разбудим.

— Разумеется.

Я оставила дверь приоткрытой и выключила свет. За окном ветер качал ветки елей. Время от времени они чуть шуршали друг о друга, и звук был похож на шёпот людей, которые не хотят, чтобы их услышали.

Перед тем как уснуть, я получила от Никиты сообщение:

«Добрались? Если завтра захотите посмотреть старые планы — могу найти несколько в компьютере. Только не ходите ночью к аллее. После дождя там настоящее болото».

Я ответила, что всё хорошо, поблагодарила его и отложила телефон.

Затем услышала тихий металлический щелчок в коридоре.

Будто кто-то повернул дверную ручку.

Глава 3. Кто-то наверху

Я пролежала несколько минут, не двигаясь.

В темноте очень трудно понять, откуда доносится звук. Дом жил собственной жизнью: потрескивали доски, посвистывал ветер в оконной раме, иногда слабо гудели трубы. Я пыталась вычленить из этого привычного шума тот самый щелчок.

Он повторился.

Я открыла глаза.

Светящиеся цифры на телефоне показывали 01:16.

— Алис? — позвала я.

Из соседней комнаты никто не ответил.

Я встала, натянула толстовку и вышла в коридор. Ночник возле ванной бросал на пол узкую жёлтую полосу. Дверь Алисы была закрыта. Дверца чердака — тоже. На крючке.

Я подошла к входной двери и потянула ручку. Замок был заперт. Потом проверила кухню, окна и задний выход. Всё в порядке.

На холодильнике мерцал синий индикатор.

И всё же мне не нравилось, что дом вдруг стал казаться чужим.

Я налила воду в стакан. Возле раковины была маленькая лужица, хотя перед сном я всё протёрла. Кран не капал. Я провела пальцем по воде: тёплая. И почему-то с примесью мелкого чёрного порошка.

— Великолепно, — сказала я вслух. — Ржавые трубы.

От собственного голоса стало чуть легче.

Когда я вернулась в коридор, наверху что-то протяжно скрипнуло.

Сначала один шаг.

Потом второй.

По потолку над моей головой медленно передвигался человек.

Я знала, что это невозможно. Чердак был низким, туда пришлось бы подниматься по приставной лестнице. Дверца оставалась закрыта. Но звук был совершенно определённым: твёрдая подошва касалась деревянного пола, переносила вес, отрывалась.

Шаги остановились прямо надо мной.

Я машинально подняла голову.

Тихий удар.

Будто кто-то опустился на колени.

Затем из-за потолка раздался скребущий звук. Медленный, неровный. Я представила ногти, которые тянут по доскам.

— Алиса! — позвала я громче.

Дверь её комнаты распахнулась. Сестра стояла босиком, с растрёпанными волосами и телефоном в руке.

— Что случилось?

— Ты слышишь?

Мы молча слушали.

Сверху было тихо.

— Что я должна слышать?

— Кто-то ходил на чердаке.

— Опять?

Я кивнула. Алиса подняла телефон и включила запись.

— Ну-ка, дом, повтори для зрителей.

Ничего не произошло.

Мы постояли ещё немного. Потом она подошла ближе и заметила стакан у меня в руке.

— Ты дрожишь, — сказала сестра.

— Холодно.

— Мий.

Я посмотрела на неё.

Она опустила телефон и, уже без всякой улыбки, спросила:

— Тебе правда показалось, что это человек?

— Да.

— Тогда давай завтра проверим чердак. Днём. Вместе.

Мы вернулись к своим комнатам. Алиса оставила дверь открытой. Я ещё долго слышала, как она ворочается в постели.

В какой-то момент — я уже почти засыпала — из кухни донёсся тихий женский смех. Он продолжался секунду, не дольше. Я открыла глаза и замерла, прислушиваясь.

Тишина.

Наверное, это скрипнули трубы. Или за окном пролетела птица.

Я не пошла проверять.

* * *

Утром Алиса приготовила завтрак и торжественно объявила, что наш дом официально заселён призраком.

— Он очень невоспитанный, — сказала она, поставив передо мной омлет. — Шляется по ночам, а на камеру не выходит.

— Ночью ты сама сказала, что надо проверить чердак.

— Сказала. И всё ещё предлагаю. Но сначала кофе.

Дневной свет делал ночные страхи смешными. На кухонном столе лежал пакет с хлебом, за окном сосед катил велосипед через двор, из-за соседского забора доносилась старая эстрадная песня. Я вдруг подумала, насколько легко человек верит в безопасность, если слышит обычные звуки.

После завтрака мы принесли из сарая лестницу. Крючок на чердачной дверце был тугим, его пришлось сдвигать двумя руками. Я поднялась первой, подсвечивая телефоном.

Под крышей стоял запах сухого дерева и пыли. Вдоль стены лежали несколько досок, пустые коробки и старая рама от окна. Ни следов обуви, ни открытого люка, ни места, где мог бы спрятаться человек. Настил покрывал ровный слой пыли.

— Видишь? — сказала я, спускаясь. — Никого.

— Тогда у меня вопрос: почему ночью он ходит, а днём стесняется?

— Потому что ночью здесь расширяются и сжимаются доски. Я почти уверена, что всё это из-за перепада температуры.

— Почти — это сколько? Девяносто восемь процентов?

— Девяносто девять.

Алиса оглянулась в тёмный проём, прежде чем закрыть дверцу.

— А один оставим для контента.

В машине по дороге к музею сестра показала мне ночную запись. На экране виднелись наши лица в жёлтом свете коридорного ночника. Я выглядела раздражённой, Алиса — растрёпанной и совершенно счастливой от возможности напугаться в кадре.

— Вот здесь, — сказала она и остановила видео.

— Что?

— Подожди.

Из динамика раздался наш разговор. Затем щелчок, похожий на помеху. Алиса увеличила громкость.

Между словами «давай завтра проверим» и «вместе» слышался очень тихий звук.

— Это ты дышала в микрофон, — сказала я.

— Не-а. Послушай в наушниках.

Она протянула мне один беспроводной наушник.

Я включила фрагмент снова.

Теперь звук был яснее. Не шорох и не помеха. Как будто кто-то стоял близко к телефону и втягивал воздух через зубы.

— Ну? — спросила Алиса.

— Не могу сказать.

— А если замедлить?

Она нажала кнопку. Звук растянулся, превратился в неприятный влажный всхлип. В самом его конце мне послышался один слог.

«Не».

— Не усиливай, — сказала я, возвращая наушник. — От обработки любая помеха будет звучать как речь.

— Знаю, профессор. Но всё равно жутко.

Я не ответила. На экране за нашими спинами была видна часть лестницы. Возле неё темнел вертикальный участок стены, который я не помнила. Я попросила Алису поставить запись на паузу и приблизить кадр.

Ничего особенного: тень от перил.

Но когда Алиса передвинула ползунок на секунду назад, тень исчезла.

— Это автоэкспозиция, — сказала я прежде, чем сестра успела открыть рот.

— Я вообще ничего не сказала.

— У тебя всё на лице написано.

Она улыбнулась, выключила экран и убрала телефон.

А я ещё несколько минут смотрела в окно, стараясь не вспоминать, что наша лестница была совсем без перил.

Глава 4. Нина Аркадьевна

Краеведческий музей располагался в бывшем купеческом доме на центральной улице. Перед входом стояла бетонная женщина с серпом, у которой кто-то заботливо покрасил губы в ярко-красный цвет. На табличке под памятником сохранилась надпись о трудовом подвиге местных работников леспромхоза.

— Вот это надо снять, — сказала Алиса. — Она выглядит так, будто знает все секреты посёлка.

— Пожалуйста, не спрашивай у памятника про ведьму.

— Хорошо. Но интервью у живых людей я оставляю за собой.

Мы поднялись на крыльцо. Внутри было тепло и пахло лаком, старыми книгами и мокрыми пальто. За стеклом стояли прялки, глиняные кувшины, жестяная коробка из-под чая. На стене висела карта района с красными кружками вокруг мест археологических находок.

— Девочки, вы ко мне? — раздался голос из соседней комнаты.

К нам вышла невысокая женщина лет шестидесяти пяти в синем кардигане и очках на шнурке. Седые волосы она аккуратно собрала в пучок. В руке держала карандаш, на кончике которого темнела крошка ластика.

— Здравствуйте. Мы звонили вчера. По поводу усадьбы Ратниковых, — начала я.

— Ах, Мия! Конечно, помню. Проходите. Я ещё подумала, какой молодой голос, а такие вопросы задаёт. Мне бы в наши годы столько любопытных исследователей.

Нина Аркадьевна сразу повела нас в маленький кабинет. Вдоль стен стояли шкафы с папками, у окна — старый принтер, рядом — стол с двумя мониторами. На подоконнике росла герань. Женщина предложила чай, печенье и только после этого попросила рассказать, что именно нас интересует.

Я объяснила про экспедицию, найденные копии документов, противоречивые свидетельства.

— А, Марфа, — кивнула Нина Аркадьевна. — Выходит, до неё всё-таки добрались областные историки. Мы-то про неё помним, но здесь не всякому интересно. Молодёжь уезжает, старики помирают, а бумаги лежат. Всё никак не переведём в цифровой вид как следует.

Алиса поставила на стол компактную камеру.

— Можно записывать? Только если вы не против.

— Мой голос — пожалуйста. Лицо не надо, я плохо получаюсь.

— Договорились.

Меня порадовало, что сестра не стала настаивать. Нина Аркадьевна открыла на компьютере папку с фотографиями, затем достала толстый каталог. У неё были точные, бережные движения человека, который привык работать с хрупкими вещами.

— Вот опись усадебного архива. Собрали уже после войны, когда часть бумаг вывезли из господского дома. А вот это — подборка краеведа Кирилла Степановича Ведерникова. Он в пятидесятые всё расспрашивал старожилов. К сожалению, не все записи надёжные: кто-то слышал от бабушки, кто-то придумывал.

На экране появилась чёрно-белая фотография двухэтажного дома с колоннами и узким балконом. На заднем плане темнели высокие липы.

— Красиво, — сказала Алиса.

— Снимок девятьсот девятого года. Дом в девятнадцатом веке перестраивали, так что это уже не совсем то здание, которое видел Павел Матвеевич. Но часть фундамента старше.

— Он был женат? — спросила я.

— Да. На Елизавете Петровне, из соседнего рода. Детей у них долго не было. По легенде — вовсе не было. А потом появился мальчик, Андрей. В документах он значится в семье, но дата его рождения вызывает вопросы. Тут мы не уверены, кто был его матерью.

Я наклонилась ближе.

— У вас есть запись о рождении?

— Не подлинник. Поздняя копия с утраченного списка. Я вам покажу. Только не делайте из неё абсолютное доказательство, хорошо? Копии тоже ошибаются.

— Конечно.

Алиса с интересом посмотрела на меня: такие слова она обычно слышала от меня самой.

Мы провели за столом почти два часа. Я фотографировала каталожные карточки, сверяла даты и делала пометки. Нина Аркадьевна показала описи имущества, переписку управляющего с помещиком, копию церковного донесения о слухах вокруг «лечащей девки» и перечень семей, живших на этих землях в начале восемнадцатого века.

Марфа появлялась в бумагах отрывками.

К ней привели женщину после тяжёлых родов. У неё просили средство от лихорадки. Один человек уверял, что Марфа умела останавливать кровь. Другой писал, что ночью у её дома горел огонь и звучали песни. Я видела в этих записях обычные для эпохи сплетни, перемешанные со страхом перед всем непонятным.

— И за это её убили? — спросила Алиса, когда услышала, как Нина Аркадьевна пересказывает позднее свидетельство о костре.

— За такое обычно одного слуха недостаточно, — сказала та. — Но времена были жестокие, особенно если вмешивалась власть помещика. Есть указание, что Елизавета Петровна приказала задержать Марфу, пока муж находился в отъезде. А дальше документы обрываются.

— Муж вернулся?

— Вернулся. Жил недолго после этих событий. По одним источникам, тяжело болел. По другим — сам себя извёл. Есть письма, написанные позднее, очень странные. Но я не стала бы выдавать каждую семейную беду за мистику.

Нина Аркадьевна замолчала и поправила очки.

— Хотя местные, конечно, любят всякое рассказывать.

— А что рассказывают? — тут же спросила Алиса.

Женщина пожала плечами.

— Что Марфа перед смертью всех прокляла. Что в старом доме иногда свет видели, когда там никого быть не могло. Что если услышишь женский плач возле липовой аллеи, надо уходить. Это давно существует, ещё моя бабушка рассказывала.

— Вы сами что-нибудь слышали?

— Человек в темноте много чего слышит.

Она говорила спокойно, но на словах «женский плач» её карандаш замер над листом бумаги.

Я открыла блокнот.

— Нина Аркадьевна, а сохранились ли списки жителей деревни за последующие поколения? Хотя бы девятнадцатый век? Мне нужно понять, как семьи перемещались, кто наследовал землю.

— Конечно, кое-что есть. Не всё у нас: часть в областном архиве, часть — копии из личных собраний. Сейчас сделаю вам подборку. Только попрошу указать музей при публикации, если будете использовать документы.

— Обязательно.

Она подключила к компьютеру внешний диск. Мы договорились, что заберём сканы на несколько дней для изучения, а затем вернём носитель. Алиса подписала простую расписку. Я удивилась количеству папок: описи, родословные, выписки из церковных книг, воспоминания,

фотографии могил, черновые таблицы Ведерникова. Работа на несколько недель, не на одну ночь.

— Вот вам занятие, — сказала Нина Аркадьевна. — Только глаза берегите. Я сама как засяду, потом до утра уснуть не могу.

Алиса выбрала фотографию поместья.

— Мы хотели ещё туда сходить. Это далеко?

— По старой дороге километра три от крайней улицы. Но там сейчас не музей. Ничего не оборудовано, да и земля местами проваливается. Я бы вам не советовала заходить на территорию без разрешения.

— А если найдём того, кто за ней присматривает?

Нина Аркадьевна посмотрела на сестру поверх очков.

— Кого найдёте, тот пусть и отвечает за вашу безопасность.

Мне показалось, что она хотела добавить что-то ещё. Но в кабинет вошла женщина с вопросом о школьной экскурсии, и разговор оборвался.

На прощание Нина Аркадьевна проводила нас до входа. Она дала мне свою визитку, попросила написать, если удастся установить происхождение Андрея Ратникова, и даже предложила заглянуть ещё раз перед отъездом.

— Знаете, что странно? — сказала она вдруг, уже держась за ручку двери. — В архиве у нас про Марфу много бумаги. А личной вещи ни одной не осталось. Ни гребня, ни ткани, ни украшения. Хотя после других людей сохраняется всякая мелочь. Словно кто-то старательно убрал всё, что могло бы о ней напомнить.

— Может, ничего и не было, — предположила я.

— Может.

Она улыбнулась, но как-то невесело.

Когда мы вышли на улицу, Алиса выдохнула:

— Мия, я её обожаю. Хочу состариться и жить среди архивов с геранью.

— Пять минут назад ты мечтала о миллионе просмотров.

— Одно другому не мешает.

Мы дошли до машины. Я убрала диск в карман рюкзака, застегнула молнию и только потом заметила, что Нина Аркадьевна всё ещё стоит в дверях музея.

Она смотрела не на нас.

Её взгляд был направлен куда-то через дорогу, к узкой улице, уходящей в сторону леса.

Когда я проследила за ним, там не оказалось ничего необычного. Пустой тротуар, заколоченный киоск, мокрые листья на обочине.

Женщина быстро вошла обратно и закрыла дверь.

— Поехали? — спросила Алиса.

— Давай сначала пообедаем.

— А потом?

На экране телефона всё ещё была открыта старая фотография поместья.

— Потом найдём липовую аллею.

Глава 5. Дом, которого не должно быть

В кафе возле автостанции подавали суп, котлеты и чай в толстых стаканах. Алиса жаловалась на отсутствие нормального кофе, но съела две порции картофельного пюре. Я пыталась читать записи музея и никак не могла сосредоточиться.

В деле упоминался мальчик по имени Андрей.

Сначала в хозяйственной переписке возникала фраза «дитя при жене моей» — без пояснений. Позже появлялся Андрей Павлович Ратников, законный наследник, чей возраст в разных бумагах не совпадал на два года. Для историка это не сенсация: люди часто не знали точных дат рождения, особенно в ранних источниках. Но то, как упорно документы обходили происхождение мальчика, было любопытно.

— Ты опять читаешь? — спросила Алиса, заглянув через плечо.

— Я работаю.

— Мы в отпуске.

— Ты назвала это командировкой.

— У меня творческая командировка. У тебя синдром невозможности отложить бумажку.

Она хотела сказать что-то ещё, но ей пришло сообщение. Сестра быстро пробежала глазами экран и улыбнулась.

— Первый тизер набрал за час почти четыре тысячи просмотров.

— Ты уже выложила?

— Только дорогу, дом и рассказ о находке. Никаких непроверенных фактов, честное слово.

Она показала мне видео. Монтаж был быстрым, но аккуратным: мокрая дорога, лес, старая табличка, мои пальцы на архивной фотографии. На последних кадрах — рукописная строка о женщине, которой никто не помог.

— Хорошо, — признала я.

— Я запишу это и поставлю на рингтон.

— Только без моего лица крупным планом.

— Никаких обещаний.

* * *

К липовой аллее мы добрались в начале третьего.

Дорога за старой школой была разбита колеями. Машину пришлось оставить возле обвалившейся автобусной остановки. Дальше мы пошли пешком: я с рюкзаком, Алиса с камерой на стабилизаторе. Ветки высоких лип смыкались над дорогой, и дневной свет казался здесь слабее.

На некоторых деревьях белели старые следы от извести. Между ними виднелись остатки каменной ограды.

— Представь, как здесь ездили кареты, — сказала Алиса.

— По этой дороге скорее телеги. Усадебный подъезд мог быть с другой стороны.

— Не порть картинку. Я вижу роскошную карету, а в ней барин к любовнице торопится.

— В любом случае это неплохой сюжет для твоего ролика.

Сестра довольно обернулась.

— Вот! Ты начинаешь понимать.

Мы шли около двадцати минут. Дорога несколько раз поворачивала, хотя по карте должна была вести почти прямо. Слева тянулся лес, справа начинался спуск к заболоченному ручью. По краям валялись мокрые листья; под ними скользили корни.

Наконец впереди показались железные ворота.

Я остановилась.

За воротами стоял дом.

Не обвалившаяся усадьба с пустыми окнами, которую я ожидала увидеть. Настоящий большой дом — двухэтажный, светлый, с четырьмя колоннами у главного входа. На балконе сохранилось кованое ограждение. Два высоких окна отражали низкое небо. Крыша была тёмной и ровной, без провалов. Даже дорожка перед крыльцом казалась подметённой.

— Ничего себе, — произнесла Алиса.

Я достала телефон и сравнила здание с фотографией из музея.

Фасад совпадал почти полностью. Только на старом снимке с правой стороны было ещё небольшое крыльцо, которого сейчас не оказалось.

— Его отреставрировали, — сказала я. — Причём очень хорошо.

— А почему об этом никто не говорит?

Я пожала плечами. Частная собственность, долгие тяжбы за землю, неудачная коммерческая реконструкция — причин могло быть сколько угодно. Главное, дом стоял перед нами, вполне реальный.

На воротах висела потемневшая табличка: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН». Ниже кто-то мелом написал слово «НЕ» и зачеркнул его.

— Местный юмор, — сказала Алиса, снимая надпись.

Мы уже собирались повернуть обратно, когда из-за ограды вышел мужчина в сером ватнике. На вид ему было около шестидесяти. Высокий, жилистый, с густыми бровями и рыжеватой седой бородой. На ногах резиновые сапоги, в руке — связка ключей.

— Чего надо? — спросил он без злости.

— Здравствуйте, — ответила я. — Мы историки. То есть я историк, а моя сестра снимает фильм об усадьбе Ратниковых. Можно посмотреть дом снаружи? Мы ничего трогать не будем.

Мужчина задумчиво посмотрел на меня, потом на Алису.

— Издалека приехали?

— Из Москвы, — сказала сестра.

— А-а. Ну, издалека.

Он достал из кармана ключ и открыл калитку.

— Снаружи-то чего смотреть. Идите уж. Только внутри без самовольства. По комнатам не шастайте, куда не звали.

— Вы здесь сторож? — спросила я.

— Присматриваю, — коротко ответил мужчина.

— Как вас зовут?

— Семён Ильич.

— А хозяева дома?

Он подержал на нас взгляд чуть дольше, чем требовал вопрос.

— Хозяев сейчас нет.

Мы вошли.

Гравий под ногами был сухим, хотя утром шёл дождь. У входа стояли две пустые каменные вазы. На одной сохранился рисунок виноградной лозы. Я потрогала край: холодный, шероховатый, покрытый мелкими трещинами.

— Вы давно здесь работаете? — спросила Алиса, поднимая камеру.

— Достаточно.

— А снимать можно?

— Снимайте, пока светло.

В доме пахло полированным деревом, воском и едва заметной угольной гарью, будто недавно протопили камин. Под ногами лежали толстые дорожки. В просторном холле стоял массивный шкаф с зеркалом, выше висела люстра с матовыми плафонами. Стены украшали портреты.

— Обалдеть, — шепнула Алиса.

Я почувствовала, как в груди поднимается знакомое чувство восторга. История вдруг становилась не плоской строчкой на бумаге, а пространством, по которому можно было пройти. Вот лестница, за перила которой хватались люди, жившие здесь до нас. Вот каменная плита у камина. Вот царапина на дверном косяке.

— Это подлинная мебель? — спросила я.

— Что осталось, то и стоит, — ответил Семён Ильич.

Я остановилась у самого большого портрета. Мужчина лет сорока в тёмном камзоле с высоким воротом, прямой нос, тяжёлые веки, немного усталые глаза. Под рамой висела табличка, написанная старой орфографией: «Павелъ Матвеевичъ Ратниковъ».

— Это он, — прошептала я.

— Тот самый? — Алиса тут же направила камеру на картину.

Рядом висел женский портрет. Худое лицо, белая кожа, тонкие губы, тёмные волосы, собранные под чепцом. Елизавета Петровна выглядела так, будто художник прервал её на середине неприятного разговора.

— Она мне не нравится, — сказала Алиса.

— Ты судишь по портрету.

— А ты не чувствуешь? Вон как смотрит.

Я взглянула на женщину. Художник действительно изобразил её с удивительно пристальным взглядом — холодным, оценивающим.

— Хороший мастер, — ответила я.

Семён Ильич стоял у дверей в столовую. Его лицо сделалось странно неподвижным.

— Барыня не любила гостей, — произнёс он.

— Вы от кого это слышали? — оживилась я.

— От людей.

— От каких?

Мужчина отвёл глаза.

— Да давно уже. Проходите, пока не стемнело.

Съёмка продолжалась. Алиса переходила из комнаты в комнату, снимала тяжёлые шторы, шкафы, портретные рамы, лестничные пролёты. Она говорила уже тише, словно сама обстановка заставляла её понижать голос. Семён Ильич время от времени останавливал нас перед закрытой дверью и отправлял в другую сторону.

В библиотеке было несколько сотен книг. Некоторые в кожаных переплётах, другие гораздо новее. Я провела пальцем вдоль корешка и обнаружила, что пыли на нём почти нет.

— Здесь явно кто-то поддерживает порядок, — заметила я.

— Есть кому, — ответил сторож.

На его лице не дрогнул ни один мускул.

Дальше находился небольшой кабинет. Солнечный свет пробивался сквозь облака и падал на бюро возле окна. На нём лежала раскрытая книга, стоял чернильный прибор и маленькая шкатулка с потёртой крышкой.

— Это можно? — спросила я, показывая на бюро.

Семён Ильич поколебался.

— Только руками поменьше.

Я наклонилась над столом. Книга оказалась не старинной: дореволюционное издание стихов с пометками на полях. Рядом лежал сложенный вчетверо лист бумаги.

— Письмо, — сказала Алиса, мгновенно оказавшись возле меня. — Мий, это же то, что нам нужно!

Я посмотрела на Семёна Ильича. Тот кивнул, но почему-то остался у порога, не входя в кабинет.

Бумага была плотной, желтоватой. Сверху стояла дата, которую удалось разобрать как конец лета, но год расплылся. Ниже — неровный почерк, совершенно не похожий на аккуратный канцелярский.

Я прочла несколько строк про себя. Это было любовное письмо — тревожное, горькое. Женщина писала мужчине, что больше не вынесет тайных встреч и чужих взглядов. Просила его не обещать того, чего он не может исполнить. Упоминала ребёнка.

Я медленно прочитала вслух, подбирая знакомые буквы: «Не губи себя ради меня. Но и нашего не отдавай им. Пусть малый живёт, где светло».

Алиса перестала улыбаться.

— Она была беременна?

— Возможно, ребёнок уже родился. Тут неясная формулировка.

— Значит, он любил её. Не просто воспользовался ею, как баре пользовались крепостными.

— Судя по письмам, отношения были серьёзными.

— А жена узнала.

Я осторожно перевернула лист. С обратной стороны была приписка чужой рукой. Почерк мельче, чернила гораздо темнее.

«Марфе Субботиной. Не смог уберечь. Возьми своё. Прости».

— Это написал он? — спросила Алиса.

— Похоже на позднюю помету. Но без экспертизы не скажешь.

Сестра навела камеру на слова и прочла их вслух, отчётливо, для записи:

— «Марфе Субботиной. Не смог уберечь. Возьми своё. Прости».

В доме что-то щёлкнуло.

Не громко — словно за стеной лопнула сухая ветка.

Я подняла голову. Свет от окна изменился: облако, вероятно, закрыло солнце, и кабинет сразу потемнел.

Семён Ильич стоял всё у того же косяка.

— Не надо читать такие вещи вслух, — сказал он.

Алиса опустила камеру.

— Почему?

Он посмотрел на письмо, затем на лицо сестры.

— Не надо, и всё.

Я почувствовала лёгкое раздражение. Сначала нас приглашали осматривать комнаты, потом запрещали задавать вопросы. Но мужчина явно хотел закончить экскурсию, и спорить было не о чем.

— Мы сфотографировали, — сказала я. — Сейчас сложу обратно.

Из-за дальней стены донёсся тихий стук.

Потом ещё один.

А следом — звук, который заставил меня замереть с листом в руке.

Тонкий протяжный плач младенца.

Алиса повернула голову.

— Здесь ребёнок?

Семён Ильич быстро вышел в коридор.

— Слышится вам. Дом старый.

Но плач повторился. Теперь немного ближе, будто ребёнка вынесли из соседней комнаты.

Я посмотрела на сестру. Та была совершенно бледной.

— Мия, — прошептала она, — ты слышала?

— Слышала.

Мы вышли из кабинета вслед за сторожем. Коридор был пуст.

— Семён Ильич? — позвала я.

Никто не ответил.

В конце коридора виднелась белая двустворчатая дверь. Одна створка была приоткрыта. Раньше, когда мы проходили мимо, дверь точно была закрыта.

Плач доносился оттуда.

— Не ходи, — сказала я Алисе.

Она стояла с камерой в руках и смотрела на щель между створками.

— Ты же слышишь. Там ребёнок.

Я подошла первой.

Рука сама собой потянулась к двери. В щели виднелся край ковра и маленькое деревянное кресло с выгнутыми полозьями.

Кресло-качалка.

Оно медленно двигалось.

Вперёд.

Назад.

Вперёд.

Я толкнула створку.

В комнате никого не было.

На стенах — выцветшие обои с розовыми цветами. У окна стояла пустая колыбель. Над ней висела игрушка из дерева: несколько вырезанных птиц на нитках. Они едва заметно поворачивались, хотя окна были закрыты.

Алиса зашла за мной и направила камеру на колыбель.

— Мий, я клянусь, что слышала ребёнка.

— Я тоже.

— Может, кто-то снаружи?

Из коридора раздался голос сторожа:

— Я же сказал: не ходить туда, куда не звали.

Мы обернулись.

Он стоял у двери, но теперь выглядел совсем иначе. Лицо осунулось, губы сделались почти серыми.

— Извините, — сказала я. — Мы услышали…

— Я знаю, что вы услышали.

Он не повышал голос. От этого слова прозвучали страшнее.

— Уходите. Солнце садится.

— Ещё только четыре часа, — растерянно сказала Алиса.

Семён Ильич посмотрел в окно. Не отвечая, развернулся и ушёл.

Мы вышли в холл, переглянулись и направились к главному входу. Я ожидала увидеть мужчину возле двери, но там никого не оказалось. В столовой тоже было пусто. Мы позвали его дважды; в ответ только старые половицы тихо потрескивали под ногами.

— Может, он обиделся, — предположила Алиса.

— Мы действительно не должны были заходить в ту комнату.

— Я думала, ребёнок плачет.

Я не стала спорить. Мы закрыли за собой тяжёлую входную дверь. Она беззвучно встала на место, словно кто-то осторожно придержал её изнутри.

На улице я впервые заметила, насколько похолодало. Несколько минут назад свет ещё отражался в окнах, а теперь за домом собирались длинные синие тени. Ворота были открыты. Мы прошли через них и прикрыли калитку, насколько позволяла старая петля.

— Надо будет узнать у Нины Аркадьевны, кто там присматривает, — сказала я.

Алиса шла молча. Камеру она прижимала к груди так крепко, что костяшки пальцев побелели.

— С тобой всё нормально?

— Да.

— Ты точно?

Она остановилась.

— Мия, когда я читала письмо… У меня на секунду было чувство, будто кто-то стоит прямо за спиной.

— Семён Ильич и стоял.

— Нет. Не он.

Я повернулась и посмотрела на поместье сквозь редкие стволы лип.

В одном из окон второго этажа горел свет.

У окна стояла женщина.

Я различила только светлое лицо и тёмное платье. Она находилась слишком далеко, чтобы увидеть выражение глаз, но было ясно, что женщина смотрит прямо на нас.

— Алис, — сказала я, — в доме кто-то ещё есть.

Сестра оглянулась.

Окно было тёмным.

— Где?

— Там. Слева от балкона.

— Никого.

Я постояла, прислушиваясь. Издалека доносился стук дятла. Ни одного человеческого голоса.

— Показалось, — сказала я.

Алиса не ответила. Она смотрела на экран камеры.

— Ты чего? — спросила я.

— У меня запись оборвалась.

— Когда?

— В детской. После того, как мы услышали плач.

Она несколько раз провела пальцем по экрану.

— Странно. Карта памяти почти пустая. Батарея была полная. А файл заканчивается прямо здесь.

Она показала мне кадр: пустая колыбель и деревянные птицы над ней.

Затем чёрный экран.

Мы пошли обратно быстрее, чем собирались. Ни одна из нас не сказала об этом вслух.

Глава 6. Ночная прогулка

Вечером мы ели разогретые макароны и пытались убедить друг друга, что день прошёл прекрасно.

Формально так и было. Я получила доступ к ценным материалам, увидела усадьбу, нашла письмо, которое могло оказаться важным для истории Ратниковых. Алиса сняла десятки хороших кадров. На её странице прибавилось несколько сотен подписчиков, ролик с дороги продолжал набирать просмотры.

Но стоило нам замолчать, как в паузах появлялся тот самый звук из детской.

Тонкий плач.

Я не знала, был ли он настоящим. Не знала, откуда взялся и почему мужчина, который впустил нас в дом, будто испугался его больше нашего. Никаких следов ребёнка в усадьбе не было. Ни куртки, ни игрушек, ни коляски. Только пустая колыбель среди вещей, которым давно пора было оказаться за музейным стеклом.

— Я просмотрела всё, что успела снять, — сказала Алиса, не отрываясь от ноутбука. — В холле нормально. В столовой нормально. Письмо есть. А детская — двенадцать секунд и обрыв.

— Камера могла перегреться.

— В октябре? В доме, где мы чуть не околели?

— Электроника ломается при любой погоде.

— Ты сейчас сознательно говоришь как мама.

— Она бы велела нам не ходить в чужие дома.

— И обязательно спросила бы, надели ли мы шапки.

От упоминания мамы стало легче. Я предложила позвонить ей. Мама работала в другом городе и привыкла, что мы то вместе, то порознь уезжаем непонятно куда. Она никогда не возражала против моих экспедиций, но очень переживала за Алису, если та отправлялась снимать очередную заброшенную стройку.

Мы включили видеосвязь. На экране появилось мамино лицо, усталое и весёлое.

— Ну что, кладоискатели? Нашли золото?

— Только барина и его жену, — сказала Алиса. — Причём жена, кажется, недовольна гостями.

— Девочки, вы только по заброшенным домам не лазайте. Я вас знаю.

Я кашлянула.

— Мы аккуратно.

— Мия, это ты так говоришь? Значит, точно лазали.

Мы смеялись, пока связь не начала пропадать. Потом поговорили ещё немного о работе, бабушкином дне рождения и том, что Алисе пора наконец заменить летние шины. Когда звонок закончился, в доме стало непривычно пусто.

— Хочу домой, — неожиданно сказала Алиса.

Я подняла голову.

— Что?

Она сидела на полу возле розетки, обняв колени.

— Ничего. Устала просто.

— Если хочешь, можем завтра уехать. Я попрошу Нину Аркадьевну прислать дополнительные материалы, остальное изучу в Москве.

— Не-е-ет. Ты что? — Алиса сразу выпрямилась. — Мы же только начали. Завтра добьём родословные, потом снимем нормальное интервью. Я просто… Мне тот дом не понравился.

— Ты весь день говорила, что он невероятный.

— Он и есть невероятный.

Она помолчала.

— Только, Мий, когда мы стояли в детской, мне почему-то захотелось плакать. Не от страха даже. Как будто я что-то очень важное потеряла и никак не могу вспомнить что.

Я села рядом.

— Насмотрелась старых писем.

— Может быть.

Она положила голову мне на плечо.

Несколько минут мы сидели так, слушая, как по крыше начинает постукивать дождь. За окном качались еловые ветки. В кухне тихо гудел холодильник. Мир снова казался обычным.

— А помнишь, как мы в детстве смотрели ужастики под одеялом? — спросила Алиса.

— Ты потом неделю отказывалась одна ходить в туалет.

— Неправда. Три дня.

— Семь.

— Сдавайся, историк. Ты не умеешь считать, когда речь о моих недостатках.

Я погладила её по волосам.

В детстве Алиса действительно часто приходила ко мне ночью. То боялась темноты, то ей казалось, что под кроватью кто-то шевелится, то в окне отражалось лицо, которое она не узнавала. Я отодвигала одеяло, пускала её рядом и повторяла одну и ту же глупую фразу:

«Я здесь. Пока я рядом, тебя никто не тронет».

Алиса выросла и перестала бояться темноты раньше, чем я научилась не беспокоиться о ней.

* * *

Мы легли около полуночи.

Сестра оставила маленькую камеру на комоде, направив её в сторону двери. Я снова проверила окна и замки. По чердаку никто не ходил. Дождь постепенно стих.

Мне снилось поместье.

Я стояла в том самом коридоре у детской комнаты. Из-за закрытой двери слышался плач ребёнка. Я тянула ручку, но она не поддавалась. Пальцы прилипали к холодному металлу.

Потом плач прекратился.

Женщина за дверью сказала:

— Поздно.

Я проснулась оттого, что кто-то стучал.

Не в дверь.

Стук доносился снизу, откуда-то под полом. Три коротких удара. Пауза. Ещё три.

Я села на кровати, сбросила одеяло и прислушалась.

Тишина.

На телефоне было 03:08.

Из коридора тянуло холодом.

Я вышла и сразу увидела открытую входную дверь.

Она была распахнута настежь. Влажный ветер шевелил коврик у порога. На полу блестели несколько капель дождевой воды.

— Алиса?

Молчание.

Я заглянула в её комнату.

Постель была смята, одеяло сброшено. Телефон лежал на зарядке. Камера продолжала записывать, крошечный красный огонёк горел в темноте.

— Алис!

Я босиком выбежала в коридор, сунула ноги в кроссовки и выбралась на крыльцо.

Сестра стояла внизу, за двумя ступеньками, прямо на мокрой земле.

На ней была тонкая серая пижама. Волосы намокли и прилипли к щекам. Голова слегка склонена набок, словно она вслушивалась в чей-то разговор. Она смотрела в сторону леса.

— Алиса, — позвала я.

Она не шевельнулась.

Я спустилась к ней. Земля возле крыльца была мягкой, кроссовки сразу провалились в грязь. От соседних домов не доносилось ни звука. Даже собака, которая весь вечер лаяла за забором, молчала.

Сестра что-то говорила.

Я подошла ближе.

— Что?

Её губы двигались очень быстро, без остановки. Но слов я не разбирала. Звуки были неправильные: глухие, с жёсткими согласными, будто Алиса повторяла незнакомую фразу на языке, которого не знала.

— Алис, проснись. Ты замёрзнешь.

Я взяла её за локоть.

Кожа была ледяной.

Алиса резко обернулась.

Я никогда не видела у человека такого выражения лица. Не просто испуг: она смотрела на меня так, будто только что увидела самое страшное, что вообще существует на свете. Рот раскрылся, из груди вырвался хриплый, сорванный крик.

— НЕ ТРОГАЙ!

Она отшатнулась, споткнулась о ступеньку и едва не упала. Я успела подхватить её.

— Это я! Алиса, это Мия!

Сестра вцепилась мне в куртку. Её трясло.

— Мия? Мий, где мы?

— Дома. На улице. Ты вышла во сне.

Алиса посмотрела на свои ноги. Только сейчас она, кажется, заметила, что стоит босиком в грязи и холодной воде.

— Нет, — прошептала она. — Нет, я не выходила.

— Ты спала. Пошли внутрь.

Она не двигалась.

— Мий, мне снилось… — начала она и замолчала.

— Что?

— Я была в маленькой комнате. Там пахло молоком и чем-то горелым. И ребёнок плакал. Я хотела его взять, а кто-то держал меня за руки.

Алиса сглотнула.

— Потом кто-то сказал: «Он уже не твой».

От этих слов у меня по спине прошёл холод.

— Это из письма, — сказала я слишком быстро. — Мы весь день читали про ребёнка, вот и приснилось.

Она подняла на меня глаза.

— А потом я увидела женщину. Мий, у неё не было лица. Только чёрное, и всё. И она меня узнала.

Мы стояли слишком близко к лесу. На границе света от крыльца начиналась густая темнота, в которой нельзя было различить отдельные деревья.

Я повела сестру к двери.

На пороге Алиса остановилась и посмотрела назад.

— Мия, — шепнула она. — Она всё ещё там.

— Кто?

— Та женщина.

Я заставила себя обернуться.

За забором, среди деревьев, что-то бледно поблёскивало. Может, мокрая берёзовая кора. Может, свет луны на обрывке пакета. Я смотрела несколько секунд, пока не стало ясно, что ничего не вижу.

— Там никого нет, — сказала я.

И закрыла дверь на оба замка.

* * *

Алиса долго не могла согреться. Я завернула её в плед, сделала крепкий чай, вытерла с пола грязь. Она сидела на диване, держа чашку обеими руками. За окном снова начинал шуметь дождь.

— Ты уверена, что просто лунатила? — спросила она.

— Похоже на это. Но завтра всё равно нужно будет проконсультироваться с врачом. Такого с тобой ещё не было.

— Я раньше никогда не ходила во сне.

— Взрослые тоже иногда начинают. Из-за стресса, плохого сна, смены обстановки.

— Ты сейчас меня успокаиваешь или себя?

Я не нашла, что ответить.

Сестра осторожно поставила чашку.

— Прости, что напугала тебя.

— Ты не виновата.

— Может, всё-таки вернёмся домой? Не прямо сейчас. Завтра.

Я посмотрела на неё. Это была первая разумная мысль за последние два дня, и мне следовало согласиться немедленно.

Но на столе лежал музейный диск. На музейном диске оставались сотни документов, которые я ещё не успела изучить. В поместье мы нашли письмо, которое могло изменить всю историю Марфы. Я собиралась попросить Никиту помочь найти старые планы. Нам оставалось всего несколько дней.

— Утром решим, — сказала я.

Впоследствии я много раз ненавидела себя за эти два слова.

Алиса уснула под утро у меня на плече. Я не стала её будить. Включила на ноутбуке запись с её ночной камеры, чтобы убедиться, что она действительно вышла из комнаты во сне.

На видео Алиса лежала под одеялом. В 02:56 она села, несколько секунд сидела совершенно неподвижно, затем встала и вышла в коридор.

Ничего необычного.

Я уже собиралась закрыть файл, когда заметила, что в 02:54 перед её пробуждением камера немного изменила экспозицию. Светлая полоска под дверью стала шире. Как будто кто-то открыл дверь снаружи и впустил в комнату слабый свет.

Но дверь на записи не открывалась.

Я приблизила изображение.

В зеркале над комодом отражалась кровать Алисы. Рядом с ней, в самом краю кадра, виднелся кусочек дверного проёма. Там была темнота.

И на одну-единственную секунду из темноты появилось что-то светлое.

Не лицо. Не рука.

Тонкая белая полоса, похожая на край длинного рукава.

Затем она исчезла.

Я остановила запись.

Перемотала.

Снова остановила.

В отражении теперь было только тёмное пятно дверного проёма.

Я сохранила копию файла на свой ноутбук. Уменьшила скорость, попробовала увеличить яркость. Изображение рассыпалось на крупные квадраты. Ничего доказать было невозможно.

В соседней комнате Алиса дышала ровно и тихо.

Я посмотрела на неё и впервые за всё время поездки испугалась по-настоящему.

Не потому, что увидела на записи что-то необъяснимое.

А потому, что поняла: если это повторится завтра, я всё равно не буду знать, как защитить сестру.

Глава 7. Не выкладывай это

К девяти утра на кухне пахло подгоревшим хлебом. Алиса уронила тост в сковороду, выругалась, достала его вилкой и положила себе на тарелку обугленной стороной вниз. Так она поступала с неприятностями с детства: переворачивала, чтобы какое-то время не видеть.

— Я записалась к врачу, — сказала я.

— К какому?

— В районную поликлинику. Приём после обеда. Можно доехать за сорок минут.

Она села напротив и принялась соскребать подгоревшее с корки.

— Ты записалась, не спросив меня?

— Ночью ты вышла из дома босиком и не помнила этого. Извини, что я сочла такое поводом для осмотра.

— Не извиняю. Но поеду.

Последнее прозвучало так тихо, что я не сразу подняла глаза. Алиса смотрела в окно. На мокром заборе сидела ворона, тщетно пытавшаяся удержать в клюве кусок хлебной корки.

— Ты кому-нибудь рассказывала? — спросила сестра.

— Нет.

— Даже Никите?

— Мы с ним знакомы меньше двух суток.

— Это не ответ.

— Не рассказывала.

Она кивнула и наконец откусила от тоста.

За ночь в её лице что-то переменилось. Не в чертах — в том, как она ими пользовалась. Обычно Алиса просыпалась сразу: говорила, искала телефон, требовала кофе. Сегодня она двигалась осторожно, словно боялась потревожить что-то внутри себя. На запястье проступил тонкий синяк, которого вчера не было.

— А на видео? — спросила она.

Я поставила чашку.

— Ты вышла из комнаты в 02:56. До этого камера записала какой-то свет возле двери.

— Покажи.

Мы сели перед ноутбуком. Я вывела ролик на экран, убрала звук и несколько раз прокрутила фрагмент с отражением. При обычной скорости ничего не происходило. В замедлении бледная полоска возле дверного косяка появлялась на один кадр и тут же пропадала.

Алиса придвинулась ближе.

— У меня там отражается окно, — сказала она.

— Окно на противоположной стене.

— Ну да. Значит, свет фар. Кто-то проехал мимо.

— По Заречной в три ночи?

— Мия, я не обязана придумывать призрака, когда ты хочешь увидеть призрака.

Она отодвинула стул и забрала телефон со стола. Я не стала напоминать, кто из нас приехал сюда за мистикой. Меньше всего мне хотелось, чтобы она замолчала совсем.

В мессенджере мигнуло сообщение от Никиты. Он нашёл старую схему землевладений, но файл не открывался на телефоне. Предлагал заехать с ноутбуком после обеда. Я написала, что мы едем к врачу и будем дома к вечеру.

— Что он хочет? — спросила Алиса из коридора.

— Показать план усадьбы.

— Скажи, чтобы прихватил шоколад. Я с утра заслужила сахар.

Я впервые за утро услышала в её голосе прежнюю Алису.

* * *

В поликлинике пахло мокрой одеждой, хлоркой и булочками из автомата. Врач выслушала наш сбивчивый рассказ, расспросила Алису о лекарствах, алкоголе, прежних эпизодах и недосыпе, проверила давление и простые неврологические реакции. Не стала обещать, что всё объясняется стрессом. Посоветовала временно исключить ночные съёмки, соблюдать режим и обратиться к неврологу и специалисту по сну, если эпизод повторится; при внезапной спутанности сознания или травме — не тянуть с неотложной помощью.

— Сейчас оснований считать это чем-то опасным я не вижу, — сказала она, заполняя бумагу. — Но и по одному случаю окончательных выводов не делают.

Мне понравилось, что она не отмахнулась. Алисе — нет.

— Она всё равно будет караулить меня ночью, — пожаловалась сестра врачу, кивнув на меня. — У неё с детства привычка проверять, дышу ли я.

— Тогда хотя бы снимите с неё эту обязанность и выспитесь обе, — ответила женщина.

У машины Алиса неожиданно обняла меня. Крепко, без привычной театральности. Потом отпустила и сразу принялась искать ключи.

— Не делай из этого событие, — сказала она. — Я просто замёрзла.

Обратно мы ехали молча. За окном быстро темнело, хотя до вечера было далеко. Я смотрела, как на обочинах проступают засыпанные листьями канавы, и думала о фразе врача: «По одному случаю окончательных выводов не делают». В исторической работе меня этому учили годами. Почему же с сестрой хотелось получить однозначный ответ немедленно?

Дома Алиса уснула на диване, а я открыла музейный диск.

На нём лежало восемь папок. Одни назывались просто: «Ратниковы», «Списки дворов», «Церковные выписки». Другие оставил краевед Ведерников: «Неясное», «Перепроверить», «Люди после пожара». Последняя папка содержала всего шесть фотографий вырванных тетрадных листов.

Я увеличила первую. Ведерников рисовал генеалогические стрелки, обводил фамилии красным карандашом, ставил напротив некоторых записей вопросительные знаки. Его почерк был торопливым, угловатым. На полях он написал: «Ребёнок Елизаветы? Год не сходится. Смотреть запись при Рождественском приходе».

Я открыла копию приходской книги.

Андрей Павлович Ратников.

В одном списке возраст мальчика обозначался как три года, в другом — как пять. Ничего исключительного для подобных источников. Но в приписке к фамилии матери вместо имени стояло пятно от чернил, похожее на расплывшегося жука.

За окном с грохотом захлопнулась калитка. Я вздрогнула и оглянулась на диван. Алиса не проснулась.

Я вернулась к документам. Находила упоминания Андрея в разные годы: обучение грамоте, составление описи имущества, последующий брак. Сохранилось и несколько листов, касавшихся его детей. На одном напротив имени дочери стояла фамилия, которую я знала.

Ладыгина.

Не та же самая семья, сказала я себе. Слишком распространённая фамилия. У меня на рабочем ноутбуке лежала собственная родословная — недоделанная таблица, которую я собирала ещё при жизни бабушки, расспрашивая родственников и выписывая имена с оборотов фотографий. Мамина девичья фамилия тоже была Ладыгина.

Там, где архивный работник увидел бы очередного однофамильца, я вдруг увидела свою бабушку Надю за кухонным столом. Она держала старую чёрно-белую фотографию на вытянутой руке и ворчала, что раньше люди хотя бы подписывали карточки, а теперь у всех тысячи снимков и ни одного имени.

Я закрыла файл.

Потом открыла снова.

Алиса перевернулась во сне и тихо сказала что-то неразборчивое. Мне послышалось «малый» — слово из письма в усадьбе, но я понимала, как легко ошибиться, когда ждёшь определённого звука.

На экране мигал курсор поисковой строки. Я ввела фамилию, которую вообще не собиралась искать в Верещине.

Ладыгины.

Результатов оказалось тридцать семь.

Из спальни донёсся сухой скрип половиц.

Я посмотрела в сторону двери. Алиса лежала на диване, полностью видимая с моего места.

Скрип повторился, на этот раз ближе к выходу.

Я медленно поднялась.

Из-под закрытой двери её комнаты на секунду показалась узкая полоска света, будто внутри кто-то включил фонарик. Потом погасла.

Я распахнула дверь. В комнате было пусто и темно. Камера стояла на комоде, выключенная. Окно заперто.

На полу у порога лежала одна мокрая еловая иголка.

Я подобрала её. Она была холодной, но не грязной. Возможно, мы принесли её на подошвах. Возможно, она зацепилась за мой носок ещё утром. Я старалась перечислить все причины, по которым иголка могла оказаться здесь, и так увлеклась, что не сразу заметила экран камеры.

Прибор был выключен. Маленький экран не светился.

Но красная лампочка записи мигнула один раз.

А затем ещё один.

Глава 8. Женская линия

— С чего начнём? — спросил Никита.

Он стоял в прихожей, стряхивая с ботинок воду. В руках держал ноутбук в потёртом чехле и бумажный пакет.

— С шоколада, — отозвалась Алиса из гостиной. — Ты опасно близок к званию нашего любимого местного жителя.

— Пока только близок?

— Уровень конкуренции низкий, но критерии строгие.

Никита протянул ей пакет. Внутри оказались две плитки шоколада и упаковка печенья. Алиса с искренним удовольствием поблагодарила его, а потом исчезла на кухне ставить чайник. Она проспала два часа и выглядела лучше. Впрочем, под глазами остались тени, которых раньше не было.

Я рассказала Никите о документах. Не обо всём. О ночной прогулке Алисы — лишь в общих чертах; о белой полоске в зеркале не сказала вовсе. Мы разложили ноутбуки на столе, будто готовились к обычной работе.

Никита открыл скан военного топографического плана середины прошлого века. Верещино на нём выглядело небольшим пятном среди лесов, а на месте усадьбы обозначалась группа капитальных строений. Позже он показал карту шестидесятых годов, где часть построек уже исчезла.

— А почему ты так хорошо знаешь эти места? — спросила Алиса, заглядывая через наши плечи.

— Моя первая летняя практика прошла здесь. Снимали старые колодцы и границы участков. Два месяца по кустам с прибором.

— Зато теперь можешь найти любой куст по координатам.

— Только если он никуда не ушёл за это время.

Я отметила на плане старую липовую аллею. Никита показал, что дорога, по которой мы шли к дому, огибала заболоченный участок и должна была выводить не прямо к главному фасаду, а к хозяйственному двору.

— Возможно, частная территория, дорожку перекладывали, — предположила я.

— Возможно. Завтра посмотрим на месте.

Он не пытался спорить с нашими воспоминаниями. Это меня успокаивало.

Когда Алиса ушла монтировать, я открыла рядом с музейными сканами свою семейную таблицу. Несколько лет назад я собрала её до конца девятнадцатого века. Дальше линия обрывалась: у прабабушки оставалась девичья фамилия, а документов о её матери не было.

Теперь у меня появилась возможность пройти ещё дальше.

— Ты занимаешься собственной семьёй? — спросил Никита.

— Кажется, да. Случайно нашла совпадение.

Он подвинул к себе лист с выписками.

— Какое?

— Смотри. Наш прадед по материнской линии — Аркадий Михайлович Ладыгин, тысяча девятьсот двенадцатого года рождения. Его мать, Анна Евграфовна, до замужества Мещерякова. Это подтверждается свидетельством, которое осталось у бабушки. А вот её родню я никак не могла восстановить.

— И здесь есть Мещеряковы?

— Целая папка. Ведерников расспрашивал их потомков. Вот выписка о венчании Анны Евграфовны, вот записи о её отце. Я всё время проверяю годы и приходы, потому что однофамильцев много.

Я показала ему, как несколько документов дополняли друг друга. В одном значилась девичья фамилия, в другом — возраст и деревня рождения, в третьем — крёстная мать с редким отчеством. Никита следил внимательно, задавал вопросы по существу. За полчаса мы дошли до начала девятнадцатого века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.